

355654

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА С НЕМЕЦКИМ ФАШИЗМОМ

Ц. МАКАРЕВИЧ

РАССКАЗЫ РАЗВЕДЧИКА

ОГИЗ

1942

САРАТОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

В „Рассказах разведчика“ описываются боевые будни одного подразделения разведчиков, в рядах которого был и автор.

Г У С Ь

Мне была поручена задача—срочно связаться с командиром партизанского отряда тов. Н., который действовал западнее города Калуги. Со мной пошли разведчики. Петр Семенов, Иван Леонов, Федор Колесниченко и другие—всего семь человек.

Была холодная зимняя ночь. Мы шли в тыл врага по густому еловому лесу. С левой стороны леса, по краю которого проходит дорога, слышалось таканье мотоциклов и пыхтение грузовиков. Это вражеские войска передвигались по дороге. Шло подкрепление в Калугу, которую немцы решили защищать всеми силами.

Вдруг сквозь грохот танков, пыхтение грузовиков и таканье мотоциклов раздался звук, который заставил нашу семерку застыть на месте. Звук шел не с дороги, а справа, из леса. Чуткое ухо разведчика уловило шаги: кто-то пробирался лесом.

Делаю движение головы в сторону Глушко, и он бесшумно исчез.

Ждать пришлось недолго. Вскоре перед на-

ми предстал старик-колхозник с гусем под мышкой.

— Дедушка, куда гуся несешь?—спросил я колхозника.

Старик молча подошел, посмотрел в глаза и вдруг сердито спросил:

« — Кто такие? Откуда? Чего по лесу шляетесь? »

Можете себе представить картину: старик с большой белой бородой, под мышкой гусь, вместо того, чтобы испугаться при встрече в лесу с семьёю вооруженными людьми, вдруг начинает на них кричать.

— Не сердись, дедушка,—мы к партизанам в гости идем. Советские мы.

— Советские,—недовольно сказал старик,— а где это на вас написано, что вы советские?

— А вот посмотри—шинели, звезды...

Но старик не сдавался.

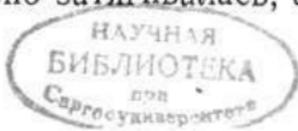
— Шинели, звезды,—передразнил он меня,— хошь я, хошь немец шинель и звезду наденет. Это не доказ.

— Да ведь мы с тобой на чистом русском языке разговариваем,—попытался я выставить еще одно доказательство.

— Видал я немцев и из белогвардейских выродков,—не унимался старик,—почище меня с вами по-русски разговаривают.

История явно затягивалась, а нам надо было

355654

двигаться вперед. Старика отпускать нельзя было—ведь неизвестно, кто он такой.

— Ну, дедушка,—скомандовал я,—веди нас прямо к партизанам.

Старик молча зашагал вперед. Через полчаса мы уже сидели около костра в гостях у партизан. Старик с гусем сидел рядом с нами.

— Как же это так?—обратился я к нему, — привел к партизанам, а сам сомневался кто мы такие. А вдруг оказались бы немцы?

Старик хитро посмотрел и сказал:

— Я посоветовался с гусем. Он мне и сказал правду про вас.

— Как так?

— Да чудачки вы!—При этом старик улыбнулся,—кабы вы были настоящие немцы — сперва бы гуся отобрали, а потом разговор вели. А вы на гуся даже и не посмотрели. Вот я сразу и опознал вас—кто такие. А разговор насчет сомнения вел для порядка. Везде, во всяком деле, порядок требуется. То, что вы красные, я сразу спознал. А вот нет ли у вас «на хвосте» немчуры проклятой—это я во время разговора и высматривал. Я с вами разговор веду, а уши разведку делают...

И тут понял я, почему наши партизаны неуловимы для немецких карательных отрядов. Встреча со стариком показала, что советские партизаны хорошо знают разведку—эту большую и сложную науку.

„ЖИРНЫЙ ЯЗЫК“

Языком называется пленный, от которого нужно узнать сведения о противнике (название частей, количество вооружения и боеприпасов и тому подобное). «Жирным языком» в войне с фашистами мы называли мотоциклиста-связиста, ведущего секретные приказы.

Вот такой «жирный язык» командование поручило нам достать. Для выполнения этой задачи надо было зайти в тыл противнику за 7 километров и выйти к дороге, которая вела в Калугу.

Тщательно смазав лыжи, проверив автомат и надев маскировочный белый халат, я вместе со своими неразлучными товарищами Семеновым, Глушко и Федей Колесниченко направился в путь. Мы двигались к переднему краю нашей обороны. Вот, наконец, и место перехода в тыл к немцам. Остановились, ожидая сигнала.

На левом фланге затрещали выстрелы пулеметов и винтовок, заухали орудия, заговорили минометы. Немцы засуетились и ответили беспорядочным огнем пулеметов и автоматов, обратив все внимание на наш левый фланг. Это и нужно было командованию—отвлечь внимание немцев от правого фланга и тем самым помочь нам сделать перебежку в сторону леса.

— Выполняйте задачу,—шепнул мне лейтенант Шипунов.

— Есть выполнять задачу,—тихо ответил я и нырнул в темноту, не оглядываясь, зная, что тройка разведчиков следует за мной.

Через двадцать минут мы были уже в лесу и двигались в сторону Калуги, обходя город южнее. Без всяких приключений наша четверка достигла места назначения. Мы устроили засаду в двух метрах от дороги, спрятавшись за толстые деревья.

Ждать пришлось не долго. Затрещал мотоцикл и как вихрь промчался мимо нас к городу. Мы не успели опомниться, как его уже и след простыл. То же самое случилось и со вторым мотоциклистом. Он мчался, как ветер, и не было никакой надежды остановить и задержать так необходимый нам «жирный немецкий язык».

Что делать? Если так будет продолжаться дальше—придется возвращаться в часть не солоно хлебавши. Но нет, этому не бывать! Так никогда не было и не будет, чтобы советские разведчики не выполнили поставленной перед ними командованием задачи.

— Надо достать поросенка,—обратился я к своему верному помощнику тов. Глушко.

— Приказано достать поросенка,—ответил Глушко и быстро перемахнул дорогу.

Он двинулся ползком в сторону населенного пункта, который виднелся в 600—700 метрах от дороги в ложине. Колесниченко хотел броситься за ним, но я его удержал за руку.

— Не надо. Один вернее справится.

Через четыре часа Глушко вернулся обратно и притащил под халатом поросенка. Для того, чтобы поросенок не верещал по дороге, он натянул ему на рыло.., противогаз.

Я разместил свою тройку на расстоянии 10 метров вдоль дороги, а сам с поросенком подполз почти к самой дороге. Ждать пришлось часа два. И вот, наконец., из-за поворота показался долгожданный мотоциклист-связист.

Я быстро сдернул с рыла поросенка противогаз и пустил его на дорогу. После испытанных неудобств, поросенок бросился от нас удирать во все лопатки. Мотоциклист, заметив поросенка, остановил машину и бросился за ним в погоню. Ну, а мы—за мотоциклистом.

Коротко говоря, «жирный немецкий язык» был доставлен в штаб к сроку и в полной сохранности. В сумке у него оказался секретный приказ, который помог нашему командованию в операциях во время боя за Калугу. Насчет поросенка сказать больше ничего не могу. Пока мы вязали «жирного языка», поросенку удалось «дезертировать».

ОХОТА НА СТЕРВЯТНИКОВ

К нашему переднему краю стали подтягиваться резервы, тянулись повозки с боеприпасами, все чаще и чаще в тыл к немцам улетали сталинские соколы на своих замечательных

машинах новой системы. Все говорило о том, что готовится наступление на вражеский узел сопротивления О.

Нашлась работа и для разведки. Перед нами командование поставило задачу выявить расположение аэродрома противника и сигнализировать о нем нашим самолетам.

Ясной холодной зимней ночью семеро разведчиков на лыжах, в белых маскировочных халатах, с автоматами через плечо двинулись в тыл противнику. Зорко оглядывались они во все стороны и прислушивались—не раздастся ли где вражеский голос, не заметно ли движение врага? Но повсюду стояла мертвая тишина—ни шороха, ни звука.

Вдруг тишину пререзала автоматная очередь. Мы сразу упали на снег. В голове мысль—не ранило ли кого, не убило ли? Гадать, кто и откуда стрелял, не приходится—ясно, что это вражеская «кукушка», ибо звуки неслись сверху.

Медленно, осторожно поворачивая голову, оглядываю верхушки деревьев. Заметив белое пятно на верхушке одного из деревьев, поднимаю автомат и даю по пятну короткую очередь. Угадал прямо в цель—«кукушка», с шумом ломая ветви дерева, падает вместе со своим автоматом на землю.

Все мои ребята живы и здоровы. Забрав немецкий автомат и закопав тело врага в снег,

наша семерка двигается дальше в глубь вражеского тыла.

В глубоком лесу, километрах в десяти от дороги, мы расположились на ночлег. Закопавшись в сугробе снега, прикрывшись палатками и тесно прижавшись друг к другу, спокойно спали, зная, что немцы, боясь партизан, ночью не зайдут в глубь леса.

Проснулись мы от нарастающего гула самолетов. Они низко пролетели над нашими головами в сторону расположения советских частей. На хвостовом оперении четко виднелась фашистская свастика. Это немецкие стервятники полетели бомбить наши позиции.

— Ладно, летите, — подумал я, — недолго осталось вам летать. Разведем ваше воронье гнездо и угостим на славу.

Аэродром был близок. Это чувствовалось по полету вражеских машин. Надо было дожидаться возврата стервятников и проследить за направлением их посадки. Через два часа раздался рокот моторов — фашистские стервятники возвращались. Мы быстро забрались на верхушки деревьев и когда вражеские машины проплыли над нами — проследили направление их посадки.

Спустившись с деревьев, мы не спеша двинулись дальше. Разведчика Глушко я отправил в часть предупредить, чтобы выслали самолеты. Расчет был сделан так: тов. Глушко часов за пять доберется до своих. Нам же на

дальнейший путь нужно было часа три. Разницу во времени я давал на передачу команды авиачасти и на нахождение самолетов в пути. Разрывов во времени не должно было быть.

Однако, вражеский аэродром был ближе, чем мы рассчитывали. Через час сорок минут мы уже находились в километре от него. Мы закопались в снегу, приготовили ракетные пистолеты.

Дело шло к вечеру, темнело, а наших все не слышно. Вдруг высоко в небе раздались знакомые звуки наших быстрокрылых птиц. Мы быстро вскочили на ноги и выстрелили из ракетных пистолетов по направлению вражеского аэродрома. Шесть зеленых ракет, как змеи, метнулись в темное небо и, изогнувшись дугой, медленно стали спускаться вниз. Неожиданно вражеский аэродром осветился, как днем. Это наши самолеты сбросили парашютные осветительные ракеты и в пикирующем полете метнулись на вражеские самолеты, которые не успели подняться в воздух. Десятки мощных бомб обрушились на вражеское гнездо, раздались оглушительные взрывы, красное зарево осветило небо.

Что было дальше, я не знаю — нам некогда было любоваться разгромом врага. Выполнив свою задачу, мы мчались обратно в часть, чтобы, немного отдохнув, принять участие в наступлении на вражеский укрепленный узел.

ПОИСКИ НЕМЕЦКОГО ШТАБА

Третьи сутки бродит наша семерка по лесу. Задача, данная нам командованием—выяснить расположение немецкого штаба,—до сих пор не выполнена.

На участке работы нашей разведки три населенных пункта. Мы были во всех трех, но там штабом даже не пахнет. Куда девался этот таинственный штаб—понять не могу. Как на зло партизанский отряд, с которым мы держали все время связь, куда-то исчез, и временно связь порвана. Партизаны, эти верные помощники Красной Армии, оказали нам немало услуг. Они и сейчас помогли бы, но их нет, и надо надеяться только на свои силы.

— Ну, что же, будем искать дальше, а пока привал.—Садись!—командую я,— и мои ребята, сняв лыжи, усаживаются под деревьями прямо на снег. Сажусь рядом с ними. По всем правилам, нам сейчас не мешало бы подзакусить, но продукты еще вчера кончились и мы пока откладываем завтрак, обед и ужин на неопределенный срок.

Поглядываю на своих ребят, как настроение, но поводов для беспокойства нет, они выглядят неплохо.

Вдруг Леонов крикнул:—Ребята, ко мне! — Не понимая, в чем дело, мы бросились к нему и увидели, что Павел держит что-то в руке, внимательно разглядывая.

— Что такое?—обратился я к нему.

— Кабель, телефонный кабель,— улыбаясь во весь рот, ответил Павел.

И действительно, в руке у него был самый сбыкновенный телефонный кабель, иначе говоря, на военном языке, «ключ к штабу».

— Вот сейчас бы нам телефонный аппарат,— сказал я Павлу,—сразу бы узнали, где штаб.

— К кабелю обязательно требуется телефонный аппарат,—согласился со мной Павел и, вынув из кармана нож, перерезал провод.

— Что ты сделал?—крикнул я Павлу,—ведь сейчас прибегут немцы!

— Вот их-то нам и надо. Во-первых, они принесут телефонный аппарат, во-вторых, от них можно будет что-нибудь узнать более существенное.

И верно, как это мне в голову не пришло!

— Разделиться на две группы!—скомандовал я.—Леонов! С двумя бойцами пойдешь налево, остальные со мной направо.—Это было необходимо, ибо неизвестно, с какой стороны появятся немецкие связисты.

Так и сделали. Ждать пришлось минут сорок. Но вот в лесу послышался шум, это связист с телефонным аппаратом через плечо шел на починку повреждения. Надо было видеть его физиономию, когда мы направили на него дула автоматов и предложили поднять руки вверх.

Соединив снова линию и приключив аппарат,

мы услышали рапорт начальника немецкой телефонной станции, что случайно поврежденная связь налажена связистом Гансом Мюллер, а в это время бедный Ганс Мюллер, связанный, лежал под деревом и мысленно прощался с жизнью.

Узнав, где находится штаб, и попутно перехватив приказ о высылке разведки к нашему пункту Н. (чему помогло мое изучение немецкого языка), мы, смотав полтора километра телефонного кабеля, прихватив телефонный аппарат и злосчастного Ганса, вернулись к своим.

Когда я, доложив нашему штабу о выполнении задачи и сдав пленного немецкого связиста, возвращался к себе в землянку, то встретил отряд, направляющийся к пункту Н. на охоту за немецкой разведкой.

В ГЛУБОКИИ ТЫЛ ПРОТИВНИКА

Сегодня наша семерка разведчиков отправляется в глубокий тыл противника. Надо разведать расположение немецких резервов, складов оружия и боеприпасов и многое другое. Работа предстоит большая, интересная и опасная.

К походу готовимся с утра. Лыжи смазаны, оружие проверено, вещевые мешки набиты запасом продовольствия на пять суток.

— Ну, пора в путь,—проверив нашу подготовку, говорит лейтенант тов. Шипунов.

Направляемся к стоящим около штаба трем танкам—это наши сегодняшние проводники. Танки готовы к походу. Они вздрагивают, как норовистые кони, готовые каждую минуту ринуться вперед. Мерно стучат моторы на холостом ходу.

Быстро встав на лыжи, беремся за веревки, прикрепленные сзади танков. Водители танков, выглянув из башен, спрашивают:

— Готовы, что ли?

— Готовы. Давай ходу,—отвечаем им.

Головы водителей скрылись, люки танков с треском захлопнулись. Стальные крепости плавно двинулись вперед.

Танки все больше и больше ускоряли ход и, наконец, на полной скорости помчались к немецким окопам. Держась за веревки, мы мчались вслед за танками. Ветер свистел в ушах, снег слепил глаза, захватывало дыхание.

Затрещали автоматы, затакали пулеметы, заухали орудия. Снаряды рвались впереди и по бокам танков. Наши танкисты ответили огненным шквалом по немецким окопам.

Командование зорко следило за нашим продвижением. В нужный момент в небо взвилась зеленая ракета. Сразу, как по команде, мы выпустили веревки и кубарем покатались в сугробы снега. Минут пять лежали, как мертвые.

Потом, под защитой огневого урагана наших батарей и танков, быстро поползли к лесу.

Добравшись до леса и став за деревьями, мы увидели, как наши танки-проводники целыми и невредимыми возвращались к своим. Приветственно махнув им рукой, мы двинулись вперед, в глубокий немецкий тыл.

Восемнадцать километров прошли лесом на запад без всяких приключений, ориентируясь по компасу. Вдруг запахло дымом. Сразу насторожились и остановились, как вкопанные.

— Глушко, разведать и доложить,—скомандовал я.

Глушко исчез между деревьями. Через тридцать минут он возвратился в сопровождении партизана. Оказалось, что метрах в пятистах от нас расположился лагерь партизанский отряд тов. Л.

В сопровождении партизанского дозорного мы двинулись к лагерю. Переночевав и хорошо отдохнув около партизанского костра, отправились дальше.

Тов. Л. дал нам в проводники партизана Микешу, прозванного партизанами «немецкая смерть». Микеша вполне заслужил это название. За два с половиной месяца пребывания в партизанском отряде он уничтожил из своего трофейного автомата 217 гитлеровцев, забросал немецкий штаб гранатами, сжег бутылками с горючим три немецких танка и шесть бронемашин. Тов. Микеша оказался ценным провод-

ником и хотя молчаливым, но замечательным товарищем.

По дороге мы узнали от него некоторые интересные подробности. Когда немцы подходили к его селу, Микеша отказался уйти вместе с другими колхозниками.

— Я их не трону, зачем же они меня будут трогать,—так он ответил на предложение идти в партизанский отряд.

Немцы его «не тронули». Они сожрали его свинью, пристрелили и слопали его кур и овцу, изнасиловали и убили его шестнадцатилетнюю дочь, убили его жену за то, что не хотела отдать валенки мужа, а его самого заставили рыть могилы для убитых немцев.

Фашистские оккупанты зажгли сердце Микеша могучим неугасимым гневом. Ночью он забрался к себе в избу. На его кровати, не раздеваясь, спали два пьяных офицера. Микеша зарубил их топором, забрал сумки с приказами и картами, облил свой дом керосином и сжег, а сам ушел в лес к партизанам. Двумя офицерами он открыл свой счет справедливой народной мести врагам родины.

Четверо суток тов. Микеша днем и ночью двигался вместе с нами по вражескому тылу. С его помощью мы собрали много нужных и ценных сведений. Мы углубились на 52 километра в тыл к немцам. Заходили в населенные пункты.

Тов. Микеша узнавал от местных жителей,

где находится староста и деловито заходил к нему в дом. Раздавался выстрел и Микеша спокойно выходил из дома.

Жители сел—старики, женщины и дети — окружали нас и всегда задавали один и тот же вопрос:

— Скоро ли совсем вернетесь?

— Скоро, очень скоро,—отвечали мы и, сопровождаемые теплыми взглядами населения, двигались дальше.

На шестые сутки ночью, благополучно перейдя немецкую линию обороны, мы возвратились к своим.

НА ПРОГУЛКЕ

То, что еще парū дней тому назад было глубоким немецким тылом, сегодня в руках Красной Армии. В местах, куда мы зимними холодными ночами пробирались в разведку, полную приключений и опасностей, сегодня развеваются красные советские флаги. Жители заживают глубокие раны, нанесенные беспощадным врагом. Восстанавливается нормальная жизнь. Еще слышно уханье пушек, строчат пулеметы. Фронт ушел недалеко, а здесь уже готовят инвентарь, ремонтируют сельскохозяйственные машины, готовятся к весеннему севу, к большевистской весне.

Из леса вернулись партизаны. Вместо автоматов теперь у них в руках топоры и пилы.

Строят дома колхозникам, взамен сожженных немцами, ремонтируют колхозные амбары и конюшни. Жизнь кипит ключом.

Я, Федя Колесниченко, Глушко и Леонов бродим по знакомым местам и вспоминаем былые походы. Вот у этого села была встреча с немецкими автоматчиками. Вот в этой разрушенной избе был немецкий штаб, который мы забросали гранатами. А вот и знакомый сарай, где томилась семнадцать пленных красноармейцев, которых мы вызволили из лап фашистских людоедов.

— Пойдем побродим по лесу,—предложил я ребятам.

Предложение было охотно принято. Надев лыжи, мы двинулись на прогулку в лес.

И здесь масса воспоминаний. Кругом все знакомые хоженные места. Как приятно теперь прогуляться на лыжах по густому лесу: не надо оглядываться, смотреть по сторонам, шарить глазами по верхушкам деревьев—не запряталась ли между густыми ветвями вражеская «кукушка». Все тихо, спокойно. Мы у себя дома, в своем родном лесу. Фронт ушел вперед, на запад, а здесь тишина и покой.

Но, оказывается, бдительность нужна везде—и на фронте и в тылу. Осторожность нигде не мешает. В разгаре прогулки и приятных воспоминаний мы вдруг услышали чужую незнакомую речь. Круто остановились. Чутко прислушиваемся. Говорят по-немецки.

— Немцы? Откуда?

Какой чорт занес их в тыл и зачем?

Осторожно двинулись вперед. Разговор стал слышнее. Я молча показал ребятам на лыжи. Они поняли меня без слов: сняв лыжи, мы двинулись дальше ползком.

На полянке сидели на снегу восемь красноармейцев и курили, а девятый чинил кабель.

— Фу ты, чорт!—подумал я,—своих приня-ли за немцев.

Что же касается немецкого говора, то ведь много и наших командиров и бойцов изучают немецкий язык. Для практики они разговаривают между собой по-немецки. Я уже хотел подняться на ноги, но меня удержала одна деталь, замеченная в действиях работавшего над починкой кабеля. Он зачем-то растягивал кабель в разные стороны, тем самым не налаживая, а разрушая телефонную связь.

— Немцы,—решил я,—только переодетые в красноармейскую форму.

— Постараться взять живьем, — скомандовал я друзьям и мы поползли назад.

Добравшись до места, где мы оставили лыжи, и надев их, стали обходом пробираться в тыл к немецкой группе. Пройдя метров четырехста, мы приблизились к ней с запада.

Подойдя почти вплотную к немцам, мы внезапно крикнули:

— Бросай оружие! Руки вверх!

Немцы вздрогнули от неожиданного окрика,

растерялись и, бросив свои автоматы, поднялись из-за кустов с поднятыми вверх руками.

Подобрав с земли девять немецких автоматов и наладив прерванную связь, мы двинулись в обратный путь, конвоируя немецких диверсантов к штабу.

ПРЕДАТЕЛЬ

Осторожно пробираемся в село. Необходимо выяснить—имеется ли здесь немецкий гарнизон.

Пятые сутки наша разведка находится в пути. Линия фронта осталась далеко позади. Устали, как никогда. В валенки набился снег, ноги промокли и страшно мерзнут. Нашей семерке необходимо отдохнуть, обсушиться, поесть.

Шагаем по улицам, зорко оглядываясь по сторонам. Нигде ни души, как будто все кругом вымерло, не слышно даже обычного лая собак. Но вот, наконец, и живой человек. На крыльце одного из домов стоит пожилой мужчина, лет сорока пяти, в полушубке на распашку, в валенках, обшитых кожей, и теплой шапке. Подхожу к нему, здороваюсь.

— Здравствуйте, родные,—отвечает он, — куда путь держите?

— Это Ивановка?

— Нет, Лодыгино. Ивановка будет километров пять отсюда, да там немцы стоят.

— А здесь нет немцев?

— Нет. Были, да ушли дней шесть тому назад. Да что я с вами толкую. Заходите в избу согреться, отдохнете, да и подзакусите, чем бог послал.

Входим в избу. Просторная, теплая, большая комната. В переднем углу иконы. Висит лампада. Старик, заметив мой взгляд, говорит извиняющимся тоном:

— Это старуха моя никак не может расстаться с предрассудками. А вы раздевайтесь, разувайтесь, я быстро самоварчик разогрею. Сахару нет, зато кипятку хватит, а с дороги кипяток самое лучшее лекарство. А пока — к печке поближе и будьте, как дома.

Хозяин вышел в сени.

— Знаете ребята,—обратился я к разведчикам,—не нравится мне что-то наш хозяин, в глаза не смотрит. Позвать соседей не предложил, да и сам ничего не спрашивает, как будто и не интересуется, каким образом могли красноармейцы попасть за десятки километров от фронта в тыл к немцам. А ну-ка, начинайте по очереди выходить на двор, а ты, Глушко, разведай по соседям, что и как.

Старика в сенях не оказалось, не было его и во дворе. Явился он минут через пятнадцать и стал суетиться около самовара.

Вернулся Глушко. Старик внимательно посмотрел на него.

— Далеко ли ходили, товарищ?

— За нуждой,—ответил я старику за Глушко.

Старик ничего не сказал, но спокойствие у него как будто бы пропало—слишком уже суетливо стал расставлять он посуду на столе, доставая ее из маленького низенького шкафчика. Глушко кивнул в сторону старика и еле слышно прошептал:

— Бургомистр немецкий.

Все стало ясно. Глушко вынул блокнот и стал писать, я одним глазом следил за строчками, которые он выводил. «Немцы в соседнем селе, в трех километрах отсюда. Хозяин послал племянника предупредить их о нашем приходе. Хозяин—бывший кулак, сам попросился в старосты. Колхозники о нашем приходе знают, послали нарочного к партизанам».

Старик подошел к столу.

— Пишете?—спросил он, стараясь заглянуть в блокнот.

— Пишу,—ответил Глушко и спрятал блокнот в полевую сумку.

Ходики на стене равнодушно отсчитывали минуты. Но для меня их ход был задачей, которую надо было решить без ошибки—через сколько времени немцы могут быть здесь. Если пешие, то времени еще достаточно, а если на машинах, а для нас дорога каждая минута отдыха. Глушко, как будто прочитав мои мысли, шепнул:

— Колхозники ушли в дозор, предупредят своевременно.

Я растянулся на лавке. Моя поза, видимо, подействовала на старика успокоительно. Он стал меньше суетиться, но в разговор с нами не вступал. На столе появился кипящий самовар. Ребята достали из сумок хлеб, колбасу, сахар и стали наливать в чашки кипятка. Предложили и старику. Он не отказался и сел с нами закусывать.

Не успели мы выпить по чашке чая, как в окно раздался стук. Старик бросился к выходу, но я его опередил и, кивнув ребятам, выскочил во двор, захлопнув за собой дверь. Около крыльца стоял мальчик лет тринадцати. — Немцы идут, — крикнул он. Человек сто не меньше, с километр будет отсюда.

— Хорошо, спасибо, а теперь убегай отсюда, будет жарко.

Вернувшись в избу, я увидел связанного старика.

Он лежал неподвижно, но глаза его горели бешеной ненавистью.

— Выходи! — скомандовал я ребятам.

Мы залегли около колхозного амбара, откуда хорошо была видна дорога из соседнего села. Немцы были уже недалеко. Они двигались по дороге, уверенные, что мы находимся в «гостях» у их бургомистра и ничего не подозреваем. Подпустив их метров на сто, мы открыли дружный прицельный огонь из автоматов. Передний ряд немцев скосило, как косям. Немцы от неожиданности остановились и

стали топтаться на месте, но скоро опомнились, рассыпались в цепь и, осыпая нас градом выстрелов, продвигались вперед.

По цепи немцев стрелять стало труднее, а нас было всего лишь семь бойцов.

Враги все ближе и ближе. Мои ребята стреляют редко, да метко—стоит фрицу только слегка приподнять голову, как он, сраженный пулей, падает лицом в снег, чтобы уже никогда больше не подняться. На снегу все больше и больше неподвижных темных точек. Но немцев еще слишком много, не менее десятка на каждого из нас.

— Гранаты!—крикнул я, когда фашисты были в сорока метрах от нас.

Но и гранаты не остановили их, они вскочили на ноги и бросились на нас. Завязалась рукопашная схватка. Колхозники не остались пассивными зрителями—они с вилами, косами, а кто просто с кольями, бросились на немцев.

Вдруг раздались громкие дружные крики «ура!». Это из леса подоспели партизаны и через несколько минут с немцами было все кончено. Сорок восемь бросили оружие и подняли кверху руки, остальные трупам лежали на снегу.

Когда мы вернулись в сопровождении колхозников и партизан в избу предателя, там уже его не было, на полу валялась веревка, которой был связан бургомистр, а его и след простыл.

— Ничего,—сказали партизаны,—далеко не уйдет, все равно поймем и вздернем иуду на осину.

Партизаны выставили охранение, и мы спокойно переночевали в селе. На утро, поблагодарив колхозников и партизан за братскую помощь и оставив партизанам немецкие автоматы и пленных, мы двинулись в дальнейший путь.

„К О Ш К А“

Сильно укрепленный пункт врага. Ледяная горка. За горкой четыре ряда проволочных заграждений, дзоты, блиндажи и другая «механика». Задание разведке: «Добраться до проволочных заграждений, прорезать проход для наступающей пехоты».

Вооружившись специальными ножницами, ползем по снегу. Двигаемся медленно, тихо. Надо, чтобы враг не обнаружил наше продвижение, иначе вся работа пойдет насмарку.

Цель все ближе и ближе. Миновали снежную полосу, взбираемся на ледяную горку, цепляясь за любую неровность, за каждый выступ.

Вот и цель. На двухметровых кольях змеей вьется колючая проволока, можно приступить к выполнению задачи. Но наше внимание останавливают круглые диски, висящие на колючей изгороди. Внимательно вглядываемся: че-

рез каждые пять метров висят мины. Стоит только перерезать проволоку и мины попадают на землю, начнут одна за другою взрываться.

— Назад!—шепчу ребятам,—и мы, не солоно хлебавши, ползем назад.

— Ну, что?—встречает меня лейтенант Шипунов.

— Ничего сделать нельзя, товарищ начразведки. Заграждение увешано минами, резать проволоку нельзя.

Задумались. Приказ надо выполнить, а как его выполнишь? Общее молчание прерывает Глушко.

— Разрешите, товарищ лейтенант?

— Говори, в чем дело?

— Вот у нас в колхозе,—говорит Глушко,—ведра если сорвутся и упадут в колодец, их кошкой вытаскивают.

— Кошкой ведра?—засмеялся тов. Шипунов.—Что же вы за хвост кошку привязываете, опускаете ее в колодец и она зубами ведро хватает, так что ли?

— Да нет. Якорек такой из железа делаем, вот этот якорек у нас кошкой называется.

— Вот оно что. Понятно. А знаешь, товарищ Глушко,—вдруг оживился тов. Шипунов.—действуй, сбегай в походную кузню, пусть там парочку кошек быстро сработают.

— Есть сбегать в кузню,—весело крикнул Глушко и птицей помчался к землянкам.

Через два часа он вернулся, в руках у него были «кошки» величиной с яблоко. Мы достали метров двести шпагата, привязали к кольцам «кошек» и снова поползли к немецким окопам. Добравшись незамеченными до верхушки ледяной горки, мы бросили через проволоку кошки и быстро скатились назад. Немцы открыли беспорядочную стрельбу из винтовок и автоматов, но быстро успокоились, не поняв, в чем дело.

Добравшись до своих окопов, мы залегли, ожидая сигнала наступления. В 4—00 в небо взметнулись три сигнальных ракеты. Я и Глушко быстро подползли к месту, где лежали концы шпагата, привязанного к «кошкам», и начали тянуть их. Шпагат натянулся — «кошки» своими когтями зацепились за проволоку. Дергая шпагат, мы трясли и колючую проволоку, и мины, как спелые груши, начали срываться с крючков и падать на землю.

Мины рвались и своими осколками и взрывной волной рвали проволочную изгородь в клочья. Немцы в бешенстве металась в своих окопах, что-то кричали, но помешать нам не могли. Вскоре весь участок оказался свободен от колючего заграждения и разминирован. С криками «Ура!», «За родину!», «За Сталина!» — бросилась наша часть в атаку. Немцы после короткой и беспорядочной стрельбы побежали. Мы буквально на их плечах ворвались в село и начали громить гитлеровцев в рукопашной схватке.

Несмотря на численный перевес немцев, на их упорное сопротивление, после трехчасового боя за каждый дом, за каждый двор, мы овладели крупным населенным пунктом. На поле боя осталось девятьсот фашистских трупов. Сто пятнадцать фашистов сдались в плен, в их числе три офицера, остальные бежали.

М О С Т

Город Ю. обойден нашими частями с флангов—зажат в клещи, но гитлеровцы подбрасывают укрепления и упорно обороняются.

Командование решает: пора сжать клещи и могучим броском захватить город. Для выполнения этой задачи необходимо обезопасить себя от нападения немецких резервов и отрезать немцам пути отступления—надо взорвать мост через реку.

Семеро разведчиков и десяток саперов посланы на операцию по взрыву моста. Двигаемся вдоль берега бесшумно и медленно. Метров в 500 от места остановились.

— Надо закопаться в снег,—обратился я с предложением к начальнику команды саперов.

— Не мешает,—ответил он.

— Так вот, организуйте привал и маскировку, а я и Глушко двинемся в разведку.

— Товарищ начальник!—обратился ко мне Леонов,—разрешите с вами?

— Ладно, идем.

Втроем поползли вперед, поминутно останавливаясь и зорко оглядываясь по сторонам. На пути заброшенный окоп, полuzасыпанный снегом. Спустились в окоп и двигаемся дальше уже уже смелее. До моста осталось метров сто. С левой стороны домик, на крыльце пулемет. Около домика шагает часовой с автоматом в руках. Очевидно, замерз: несколько шагов пройдет и начинает подпрыгивать с ноги на ногу.

На мосту, около будки, другой пулемет. Людей около него не видно, вероятно пулеметчик греется в будке.

Забраться под мост и заложить заряды взрывчатки можно будет, пожалуй, без особой помехи.

— А ну-ка, товарищ Глушко, двигай людей сюда.

Глушко быстро двинулся назад. Мы стали наблюдать дальше. Из домика вышел офицер, что-то пролаял часовому и двинулся к мосту. Из будки моментально выскочил часовой с автоматом и пулеметчик, который залег за пулемет. Видно, они больше наблюдали за домиком, не покажется ли начальство, чем за подходами к мосту.

Офицер подошел к часовому, что-то спросил, тот, вытянувшись, ответил, и офицер, круто повернувшись, ушел в домик. Проводив офицера глазами, часовой и пулеметчик опять ушли в будку. Только часовой перед домиком

продолжал попрежнему выделывать какой-то дикий танец.

Подошли мои ребята и саперы со взрывчаткой. Саперы двинулись самым незаметным для наблюдения со стороны моста путем, а я и мои разведчики с автоматами в руках остались на месте. Подобравшись к самому мосту и спустившись под него, саперы стали прилаживать заряды. Мы с волнением следили за их бесстрашной, героической работой, в то же время неослабно наблюдая за домиком и будкой.

Вот работа саперов окончена. Они возвращаются назад, сзади тянется двойной провод.

— На четыреста метров отсюда надо отступить,—говорит начальник команды саперов.

Молча даю знак разведчикам, и мы тихо уходим к опушке леса. Вслед за нами тянется провод.

Приказ командования был краток: взорвать мост ровно в 7—00 утра. Приказ должен быть выполнен точно, ни минутой раньше, ни минутой позже. Посматриваю на часы, до взрыва остался час.

Вдруг заревели орудия, заквакали минометы, затрещали пулеметы, винтовки и автоматы. Начался бой за город Ю. Могучее и грозное «ура!» гремело раскатами у нас в тылу—это наши части двинулись в атаку.

Из домика и будки на мосту выскочили гитлеровцы, растерянно оглядываясь во все

стороны. Вдруг офицер стал кричать и рукой показывать в нашу сторону. Наверное, кто-нибудь из наших высунулся из снежной ямы и нас заметили. В нашу сторону засвистели пули. Мы затаились в снегу, отмалчивались, наши автоматы не достали бы врагов и отвечать было бесполезно. Часы показывали 6—30. Еще тридцать минут. Немцы толпой бежали в нашу сторону, все чаще и чаще свистели пули.

Леонов ранен в руку, Глушко делает ему перевязку. Мне ожгло плечо. Немцы уже в ста метрах от нас.

— Огонь!—скомандовал я. Затрещали наши автоматы и десяток немцев, как ветром сдуло.

На мосту с того берега показалась колонна танков, за ними пехота. Взглянул на часы, еще десять минут. Пуля ударила в руку, пробила кисть. Мелькает мысль—надо взорвать мост. Начальник команды саперов молча лежит у подрывной машинки—ждет сигнала.

Еще пять минут осталось до 7 часов. Немцы больше не наступают на нас. Они залегли и осыпают нас градом пуль. Затекла нога, машинально сделал движение ногой. Ожгло пулей ногу.

Колонна танков подходит к концу моста. Вот сейчас они начнут скатываться на нашу сторону. Взгляд на часы—ровно 7. Посмотрел на начальника саперов и кивнул ему головой. Он быстро завертел ручку подрывной машинки и на том месте, где только-что отчетливо

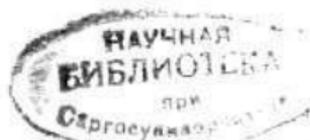
А. И. М. - ВЛ
виднелся мост, движущиеся по нему танки и пехота, поднялся столб пламени и дыма, раздался оглушительный взрыв. Лежащая перед нами группа немцев поднялась на ноги и растерянно оглянулась в сторону взрыва, но несколько очередей из автоматов, которые прозвучали с нашей стороны, уложили их обратно в снег.

Посмотрел в сторону тов. Глушко. Позвал его, но он не откликнулся. Славный разведчик и хороший товарищ Глушко заснул вечным сном, отдав свою молодую жизнь за любимую родину. Я поднялся на ноги, но моментально снова упал на снег и потерял сознание.

Очнулся я в госпитале.

*
* *
*

Я ехал в отпуск в Саратов. Я лежал на полке вагона и слушал ритмичный перестук колес. Мне казалось они выстукивают—Са-ра-тов—Са-ра-тов—Са-ра-тов.

355654

Саратовское областное государственное издательство.
1942 г.

Отв. редактор И. Фолин. Корректор З. Чуднова.

НГ20010. Подп. к печати 15/V 1942 г. Тираж 25000.
Уч.-изд. л. 1,2. Печ. л. 1. Знаков в бум. л. 82000.
Цена 20 коп.

Саратов. Типография 1 Полиграфиздата. Заказ № 1614.